

**Александр
КОСТЮНИН**

г. Петрозаводск

МОРСКАЯ ПЕСНЯ ПЕСНЕЙ

*В Карело-Финской ССР
организовано Пиндушское
профессионально-техническое
училище, готовящее специалистов
водного транспорта.*

**Календарь знаменательных дат,
1946 г.**

Спешу на юбилейную встречу выпускников.
Э-эх!

От предвкушения кровь приятно буд-д-доражит... Я давно женат, свои дети подрастают, а всё ж по духу ближе людей, чем те пацаны, с которыми прошёл Пиндушское мореходное училище, – нет. Ну так, чтоб по-настоящему... И с возрастом чувство это не притупляется, острее становится. В годы учёбы никто даже понятия не имел, насколько яркими станут наши судьбы. Я капитан дальнего плавания. Мечтал об этом с детства, мечтал страстно и мечту свою осуществил. А большинство не захотели связывать судьбу с морем, с кораблями-пароходами. Да разве это главное? Нет, конечно... ПМУ за всю славную бытность подготовило для народного хо-

зяйства страны целую плеяду колоритных личностей. Своего рода иконостас. «Гвозди бы делать из этих людей!» Двухсотки! Требовалась незначительная доводка, чтобы в дальнейшем превратить их в профи самого разного назначения: сотрудников ГРУ и бесстрашных ментов, штурманов и профессиональных киллеров, двух воров в законе и афериста, известного, пожалуй, на весь Советский Союз... (Союз канул в Лету, а его слава только растёт.) И взлётом своей блестящей карьеры они обязаны этому скромному учебному заведению в Медвежьегорском районе, оксфордов с гарвардами покруче.

Да, не все стали морскими волками...

Но, без сомнения, каждый, кто выжил, превратился в волка матёрого. Иначе быть не могло. Это судьба каждого сильного, выдающегося переярка [1].

* * *

Море. Дальние страны. Бом-кливер-галс [2]! Чувствуете?! Каково?

Или нет, лучше так: «Свистать всех наверх!» «Поднять бом-брамсели [3]! Полрумба влево [4]!». «Есть, сэр!» Карибы. Пиа-астры! Пираты: старый Флинт,

одноногий Джон Сильвер. Ром. Русалки-и-и... Для меня этот набор слов точно гранёный стопарь водки, словно новое платье для жены...

Я родился в Старом Осколе. Моря у нас отродясь не бывало. Отец работал прорабом в ремстройучастке, мама – воспитателем в детском саду. Старший брат пошёл по стопам отца, чего желали и мне. Но я в детстве читал книжки другие: «Двадцать тысяч лье под водой», «Пятнадцатилетний капитан», «Остров сокровищ», «Морской волк»... Э-эх! А мой самый любимый писатель – Даниель Дефо. Его роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо» знал наизусть:

«Отец мой... прочил меня в юристы, но я мечтал о морских путешествиях и не хотел слушать ни о чём другом. Эта страсть моя к морю так далеко меня завела, что я пошёл против воли – более того: против прямого запрещения отца и пренебрёг мольбами матери и советами друзей».

Меня тоже отговаривали все. Лишь сосед дядя Вася (он на флоте служил), услышав о моих грёзах, певуче замурлыкал, заёрзал, как мартовский кот:

– Мореходка-ааа! Загранка-ааа!!! Брюки клё-оо-ош!.. Бескозырка! Гюйс! Па-ааца-ныыы... – и, безнадёжно махнув рукой, умолкал, считая невозможным объяснить сухопутным обитателям всей прелести морской жизни...

Отец за такие речи дядю Васю невзлюбил и угрюмо бурчал: «Старый пидор».

А тут ещё на глаза попалась заметка в газете «Вечерний Оскол» (мать считала, «как на грех»), следом – объявление по радио: «Пиндушское мореходное училище приглашает...» Я обомлел. Воля моя была парализована. Волшебная боцманская дудочка настойчиво манила в Пиндуши. Не знал, где находится Карелия (или Корея?), понятия не имел ни про какой Петрозаводск, но отблеск романтического ореола краем коснулся и их. «Это там, – с придыханием думал я, – там... где находятся Пин-души – счастье моей души». Родители горевали открыто, вид у них был такой, словно прощаются навсегда. А я, одурманенный, по списку собирал вещи, ловил влюблённо-восторженные взгляды одноклассниц и с жалостью взирал на земляков. Восьмой класс окончил без троек – капитан должен быть грамотным! Иначе никак... Распираемый восторгом, с чемоданом, сверкающим никелированными уголками, в новеньких отцовских ботинках, отправился я скорым поездом в далёкий сказочный край. Из тетрадного листка в клеточку сделал маленький кораблик, поставил его на дорожный столик перед собой и долго любовался.

Засыпая, вспомнил урёванное лицо матери,

мрачного неразговорчивого отца, и ликование моё несколько осеклось... споткнулось. Сделалось тревожно, одиноко.

Ненадолго. Вновь свежий бриз обласкал, успокоил!

«Ну что, Боб, как ты себя чувствуешь после вчерашнего? Пари держу, что ты испугался, – признайся: ведь испугался вчера, когда задул ветерок?» – «Ветерок? Хорош ветерок! Я и представить себе не мог такой ужасной бури!» – «Бури! Ах ты чудак! Так, по-твоему, это буря? Что ты! Пустяки! Дай нам хорошее судно да побольше простору, так мы такого шквалика и не заметим. Ну, да ты ещё неопытный моряк, Боб. Пойдём-ка лучше сварим себе пуншу и забудем обо всём. Взгляни, какой чудесный нынче день!»

И то верно. «Не стоит унывать!» – думал я.

Впереди меня ждал ласковый солнечный день длиной в четыре года...

Прибывший контингент встречал бравый командир роты в мице [5] с крабом золотистого цвета.

– Фамилия? – поинтересовался он, раскрывая общую тетрадь с надписью «Судовой журнал» [6].

– Федорчук!

– Александр Владимирович?

– Он самый... А как тут у нас насчёт обеда?

– Обед, курсант Федорчук, надо заслужить. Сейчас – на медкомиссию.

– Ладно.

– Не «ладно», а «есть, товарищ командир роты». Привыкай.

– Есть, товарищ командир роты, «не есть».

Учебный и жилой корпуса морского училища размещались рядышком. «Удобно! Не нужно далеко ходить», – отметил я про себя. Двор ПМУ выглядел, пожалуй, унылым, но ведь здесь не детский садик с песочницей, посудкой, совочком – тут готовят морских штурманов, судомехаников... мо-ре-хо-дов! И вовсе это не двор – плац. Об этом тоже успел сообщить ротный. Здесь всё необычное, чарующее, всё поморскому: не пол, а палуба, не стены – переборки, не потолок, а подволока, не кухня – камбуз. Знакомых в мореходке у меня не было. Мать, правда, откуда-то узнала, что в этом году из Старого Оскола поступили ещё трое. Значит, уже не один.

В тени у входа подпирали стенку несколько пацанов с дорожными баулами, все поодиночке, без родителей. Только рядом с модным щёголем в заграничном джинсовом костюме курицей-наседкой вхохотала дородная женщина:

– ...Как устроишься, сразу пиши.

– Угу.

– Валерочка, если что, звони по срочному, деньги есть.

– Всё, ма, иди.

– Ты меня не гони.

– Опоздаешь.

– Ещё побуду немного...

Этот Валерка, оставив спортивную сумку на попечение матери, пошёл искать медкомиссию. Я – следом. Нужно было вживаться в обстановку, знакомиться с ребятами. Моряк без команды – полморьяка. Мы прошли пост дневального, стали подниматься на второй этаж, и едва я собрался к Валерке подойти, как лестничный пролёт нам преградил пьяный матрос в тельнике со свёртком в руке:

– О! Новобранцы? Бра-та-ны! – при этом он бесцеремонно обнял Валерку и, подтолкнув меня вперёд, повёл куда-то по серому коридору...

– Нам медкомиссию надо... – оборачиваясь, попытался возразить я.

– С дедушкой так грубо не разговаривают!

Старшекурсник завёл нас в туалет, плотно закрыл дверь и, прижав Валерку к стене, слащаво прогундосил:

– Бра-аатан, дружище! Дай в твоём прикиде схожу на дискотеку! Вечером верну, я в пятом кубрике.

– ...Так не в туалете же?..

– Это не туалет, душара, га-льюн! Скидай живей, адмирал ждёт.

Он стянул с обалдевшего Валерки импортную голубую курточку с медными пуговицами, джинсы, всучил взамен старую робу и растворился. Мы стояли, не в силах понять до конца, что произошло. Было слышно, как стучало моё сердце и равнодушно журчала в унитазе вода. Взгляд уткнулся в девиз, нацарапанный на стене:

*Кто видел в море корабли –
Не на конфетном фантике,
Кого е...ли, как нас е....т,
Тому не до романтики.*

Раньше мне казалось, что принятие присяги на флоте проходит иначе...

– Валерик, где костюм? – встревожилась мать, увидев сына в наряде Гавроша.

– Ма... ребятам на вечер дал носить.

– Сынок, хоть всё нормально?

– Ма, иди...

А что ещё он мог сказать?

Никогда больше ни я, ни Ветровский в глаза не видели этого матроса Железняка. Выдачу формы нам всем тогда задержали, и Новый год встречали кто в чём, словно цыгане. Лишь Валерка – заправским

мореманом, в той самой робе с чужого плеча, подогнанной по фигуре, аккуратно заштопанной, выстиранной, выглаженной. Из казённого обмундирования мы получили лишь широкие кожаные ремни с латунной пряжкой да невысокие кирзовые ботинки на толстой подошве – «гады». (Старики топтали палубу в таких же.) С Валеркой после того случая мы крепко сдружились и все три года жили в одном кубрике с двухъярусными кроватями: он – на верхней, я – на нижней.

Вечером к нам в этот самый кубрик и завалила толпа старшекурсников.

Двое сразу стали обыскивать постели, отворачивать матрасы, рыться в подушках, а один, шуплый, прыщавый, полез в тумбочку к Сайгаку – пацану из Казахстана – присел на корточки, деловито вытряхивая на пол содержимое ящика:

*Ворует вошь, ворует гнида,
Ворует бабка Степанида,
Ворует северный олень,
Воруют все, кому не лень.*

Обнаружив трояк, он с кривой ухмылкой зажал его в кулаке.

Сайгак не выдержал:

– Это не воровство – грабёж! Положь где взял!!!

Он шагнул к прыщавому и тут же получил сбоку тяжёлый удар в ухо.

Нас избивали долго, молча, методично. По полной! Деды сменяли друг друга, и всё начиналось вновь. Били каждого, кто пытался встать, лежачих не трогали. Последний удар ногой, я отчётливо помню, пришёлся под дых... Дыхание остановилось, ни вдохнуть, ни выдохнуть... сложился пополам, повалился на бок. Этимология слова «Пин-души» оказалась иной: пнуть в душу. Отцовские ботинки с красным отливом, свитер у меня забрали тогда же, а бумажный кораблик затоптали...

Море. Дальние страны. Бом-кливер-галс. Ром. Пиастры! Пираты.

Чудный нимб испарился, морской мираж рассеялся, остались одни пираты.

Я уже в первый день с жутью, содроганием понял, что одиссея моя обернулась тюрьмой... Дома оказались правы. И как быть?.. Быть как?! Сдрейфить, удрать, с поджатым хвостом предстать перед классом... Нет, что угодно, только не это. Чувство стыда перебарывало животный ужас.

Дедовщина процветала страшная...

Спать не давали трое суток. Каждую ночь в кубрик приходили старослужащие и били. Дебилы-

мастодонты. Жили они по соседству: на этаж поднимаешься, направо – второй курс, налево – мы. Ни стены, ни перегородки, ничто не отделяло нас от смерти. Ну, может, только воображение и наши иллюзии. Старшекурсники казались мне зрелыми мужиками, хотя по возрасту старше на год, на два. То ли у страха глаза велики, то ли в юности два года и впрямь – пропасть. Обычно просто били, как сивых коз, отбирали продукты, деньги, но иногда дедам для разнообразия хотелось привнести в издевательства военно-морской колорит. Тогда они врывались посреди ночи с ором: «Боевая тревога!» Полная шизофрения. Мы выбегали сонные на внутренний плац с матрацами, строились, деды из шлангов обливали всю команду холодной водой. Дурдом! Мы, как могли, боролись, огрызались, но это не помогало, и в прямых стычках терпели одно поражение за другим. В короткие минуты затишья я отключался, проваливаясь в сон. Большой яркий свет не мешал, однако побои, гематомы не давали забыть надолго. И тогда я думал... Просто лежал с закрытыми глазами и думал: «Почему так?! Почему нас истязают с остревением, выдумкой, изошрённо не какие-нибудь фашисты – свои советские ребята?! Откуда вообще берутся фашисты?»

Курсанты понаехали в училище из Молдавии, Москвы, Казахстана, Белоруссии, Сибири, Казани... со всего Советского Союза. Первый курс – три роты. За шестую-седьмую не поручусь, а из нашей, пятой, в первый месяц сбежали тридцать человек. Я понимал: если срочно что-то не придумаем... убьют.

Спасительная идея свалилась! Ветровскому.

Это случилось в ноябре. Дедам к тому времени всё наскучило, и они придумали новое развлечение. В полночь завалились толпой, но сразу бить не стали. Вперёд вышел Вазген Оганесян – ублюдок редкостный – вытащил из-за спины, будто фокусник в сельском клубе, красный кирпич и предложил:

– Купите.

Кирпич, как выяснилось, штука дорогая.

– Караси, с вашего кубрика червонец, бутылка водки, буханка хлеба, короче, вот список. Придём завтра, – Вазген тяжело опустил кирпич в руки Ветровского и, отчаливая, по-отечески напуствовал:

– Если чё, с тебя начнём...

Мы оцепенели: н-нужно! собрать десять! рублей... бутылку водки раздобыть где-то!.. Где?!

– Пацаны, что будем делать?

Вот тогда острый, загнанный в тупик мозг Ветровского осенило:

– Скажем: кирпич забрал командир роты.

Идея подкупала простотой и гениальностью...

На том и порешили, тем более что из нас вообще никто ничего предложить не мог.

Мы в страхе ждали завтрашнего дня. Пробило восемь вечера, девять... В коридоре послышались шаги, смехуёчки, дверь с грохотом распахнулась, и Вазген с кофрой, как морской прилив, едва появившись на горизонте, подступил к горлу:

*Маленькая рыбка,
Жареный карась.
Где твоя улыбка,
Что была вчерась?*

– Деньги! – сухо потребовал Вазген, тупо уставившись на Ветровского.

– Деньги договаривались за кирпич, а кирпича у нас нет.

– Где ж он? Уплыл? – ощерился Вазген.

– Командир роты забрал... сказал, чтобы вы к нему зашли.

Вазген притух:

– Ты чё, козлина, всё ему растрепал?

– Он зашёл, спрашивает: «Откуда кирпич?»

– А ты что?

– Говорю: «Не могу сказать»... Он начал ругаться, сказал, что мне «пи...дец!»

– Так и сказал? – глазки Оганесяна забегали, как у крысёнка.

– Да... И я всё рассказал...

– Вот теперь тебе точно «пи...дец!»

– ...Говорю: «Ребята продают».

– Ты чё, совсем, что ли?!

– Он сказал: «Я хочу купить! Пусть продавец зайдёт ко мне».

Вазген затравленно сглотнул, вжал голову в плечи и как-то боком выскользнул из кубрика, за ним остальные.

Мы гурьбой подошли к Валерке, пожали «краба», хлопнули по плечу. Иначе выразить искреннюю благодарность мы не умели ни тогда, ни сейчас. И ещё каждый добрым словом помянул изворотливую наследственность Ветровского: тётя его работала заведующей промтоварной базой, дядя – базой продуктовой.

Пьеса с рабочим названием «Перепродажа кирпича» шла по единому сценарию, всегда успешно. Невинную хитрость нашу ни разу не раскрыли. Пацаны из других кубриков вынуждены были артельно скидываться, бегать за водкой, платить ясак, а нас постепенно оставили в покое. Прошлошливый ум Ветровского всегда находил лазейку, чтобы улизнуть: «Ты говорил сходить не мне, ты говорил другому, я отлично помню, увижу – покажу. Ты говорил другому, я не помню имя-фамилию-отчество...» Валерка умел нафантазировать, сачкануть, слинять, притвориться дуриком, запутать мозги так, что собеседник уже нетвёрдо помнил, как себя-то звать. Залечить –

в этом Валерке равных не было. Более того, его врождённые способности к запуткам, хитроумным комбинациям – т.е. к советской торговле – расцвели пышным махровым цветом именно в обстановке, приближенной к боевой. Он (в одиночку!) организовал в лесных посёлках разветвлённую сеть скупки ягод, грибов у населения, сдавал лесные дары в заготконтору – через дорогу, на условиях встречной продажи покупал импортные шмотки и толкал втридорога курсантам... Песня! (До рыночных отношений стране оставалось долгих десять лет.)

В отличие от Валерки, мы галсами ходить не умели.

Как говорится: «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали».

Бывало, ждёшь от родителей посылку, чего-нибудь вкусенького: банку сгущёнки, варенья, печенье, халву, карамель. В письмо всенебреженно – денежка. Кому трёшница, кому пятёрка, если родители состоятельные – вложат червонец. И письмо почитать хочется: как там дома? Я сначала сильно скучал. Думаю, не только я. Тогда казалось, мы – взрослые, сейчас понимаю – дети совсем. Однако дожидаться извещения полдела. Посылку надо сперва получить, донести до кубрика, командой скрытно выдвигаемся, ящик за почтой вскрываем. Крышка с адресатом должна исчезнуть бесследно. (Фамилию найдут – к вечеру предьявля!) Как-то раз я край отогнул, рукой – нырк! крышка упругая, возьми и соскочи. Бзыть! Острым гвоздём мне, словно бритвой, рассекает запястье. Кровь – фонтаном! Бечеву с посылки сдёргиваем, Алик, Сонников перетягивают... Банки – по карманам, меня – в больницу, на операционный стол: перебита лучевая артерия. Швы наложили, но рана ещё долго ныла, гноилась и гнила. Шрам так и остался памятькой на всю жизнь. Добычу шкерили в кубрике по тайникам – закрома родины! У каждого свои секретки, гвоздики, штифты. Любой посторонний, даже если станет искать, ничём не найдёт. Вроде бы доска как доска. Ты на ней плясать будешь – не шелохнётся. Руками не оторвёшь. Тем более поднять её не дают кровати в два яруса – сначала надо их отодвинуть... А секрет прост: я элегантно, шурупчиком наискосок, крепил плинтус, поджимал доску, никому в голову не придёт! Знали лишь пацаны из нашего кубрика. (Мы друг про друга знали всё.) Деды обычно шмонали тумбочки, разбирали ножки стульев, кроватей – там простодушные хабзайцы прятали деньги. Бакалея-то деду ни к чему, им казну подавай, портрет дедушки Ленина. На кой печенья раскрошенные? Хотя, коли найдут, не брезговали и крошками. Беда в другом: старослужащие сортировали ВСЮ полученную почту и приходили к адресату уже с квитанцией:

– Это кто у нас такой Федорчук?

– ?!

– Богатенький Буратино! Пойдём, поможем тебе посылочку донести. Очень тяжёлая. Видишь, написано: «10 кг».

– Ребята, у меня день рожденья. Не пойду...

– Надо делиться!

Керя на подхвате, тут как тут – удар по печени:

– Всё понял?

– Да-аа...

И не открутиться, не улизнуть. Вот – ты, вот рядом стоит твоя смерть. Что делать? Извечный российский вопрос. Тут делать нех... надо выполнять. Ну, конечно, что-то оставят и тебе, подчистую не забирали. (Всё – по-честному!) Одним словом – джентльмены удачи. На деньги, однако, кодекс чести не распространялся:

– Ой, чё пустой конвертик-то прислали?.. Ай-ай-ай! – сам тебя бочком отжимает, купюрой похрустывает. – Открытка только. Ну, открытку – на...

Командир или старшина роты иногда успевали денежные переводы, извещения перехватить. Это счастье! Оно улыбалось редко. Горечь и обида за родителей... Надрываются, стараются выкроить, отрывают от себя, а эти твари – на выпивку. Бессилие... полное. Психологически обыски и поборы я переживал тяжело, но всю горечь оставлял глубоко в душе, родителям писал исключительно радужные письма: высылал тексты песен о Карелии, стихи, рассказывал о друзьях по кубрику. Не хотелось огорчать. На Новый год отец с мамой засобирались навестить... Я категорически: «Не вздумайте!» Не хватало... Не дай бог приедут, увидят, как на самом деле. Позор! Пусть думают, будто у сына всё хорошо. Мои зёмы-однокурсники к тому времени сбежали. Я остался. Стиснув зубы. Хотя мать допытывалась: «Сынок, скажи правду. У меня сердце болит!..» Да, оставалось сжать зубы и терпеть, терпеть. Жаловаться нельзя, хуже будет...

В народе наше учебное заведение величали «академией Подгайского». Подгайский этот – директор. За три года учёбы видел его четыре раза, три раза пьяным. Методы обучения, взятые им на вооружение, были несколько архаичные, но действенные: не доходит через голову – дойдёт через руки. Потаскаешь на занятиях какую-либо железку весом килограммов -дцать, её устройство, назначение оседает в памяти навсегда. За качество образования я не тревожился, лишь бы выжить... И помогала нам молодость: цветущие, физически крепкие, здоровье плескалось через край. Пятница – банно-прачечный день нашего училища. Рядом с поселковой баней – речушка. Сперва в оцинкованном тазу постираем исподнее, затем себя, в заводи прорубаем огромную прорубь, распариваемся до безумия и по два-

три раза ходим купаться. Прыгали, ныряли до одурения, кто в труханах, кто голышом, и жаркие, в распахнутых шинельках, строем маршировали в казарму. Некоторые ради куража шли босиком – с полкилометра, не меньше. Гады – под мышку, и – вперёд. Не помню, чтобы кто-нибудь болел простудой. Никто никогда, как на фронте...

У нас на нашивках значилось ПМУ – «Пиндушское мореходное училище», а фактически – ГПТУ №13. Признать себя обычными пэтэушниками даже в душе не могли. Не смели... В противном случае на кой чёрт эти муки. Ведь приятных моментов было мало... Четыре: завтрак, обед, ужин... Вечно голодные, точно собаки бездомные. Из камбуза – с краюхой хлеба в кармане, если повезёт, меж двух кусков – манная каша.

В известном смысле к приятному можно отнести и «русалок»...

Первый раз это случилось на втором курсе.

На улице начинало темнеть. Я сидел в кубрике, штопал дыру на робе: дед всучил зашить. Ни клички, ни имени, ни тем паче фамилии курсанта не знал, красномордый такой... На штанине вырван клочок. По хорошему требовалась заплатка, да обстрочить края как следует, чтоб ткань не распускалась... Ничего, так походит. У, рожа! Я вывернул штаны наизнанку, совместил края дырки и намётом, виток за витком, стал гнать нитку с иголкой из одного конца прорехи к другому.

Через открытое окно потягивало октябрьским холодком, слышны были далёкие гудки буксира в порту.

– Чё, девчонки, грустно? Эх-хха-ха!

Не поднимая головы, я знал: это Сайгак.

– Без тебя скучаем, мальчик, – с улицы донеслось девичье хихиканье вперемежку с отборной матерщиной.

Прогнал стёжку туда, чуть назад, сделал двойную петлю и откусил конец нитки. Оборачиваюсь: окно распахнуто настезь, Сайгак с Ветровским сидят на подоконнике и на кого-то пялятся.

– Закурить не найдётся? – раздался с улицы всё тот же высокий насмешливый голосок.

– Не курим. Конфетку хотите?

– Нужны нам, б..., твои конфеты.

Я с интересом глянул вниз: две школьницы, класс восьмой, не старше, кривляясь, приплясывали, не сводя глаз с нашего окна – огненно-рыжая бестия и толстушка.

– Забирайтесь! – Ветровский призывно махнул девчонкам, – целоваться научим.

– Пошёл ты... – мрачно заметила рыжая.

Не спеша она задрала подол школьной формы,

демонстрируя маскарад: в коричневых колготках пионерки, на самом ответственном месте призывно зияла дыра... молодую плоть не скрывало ничто. Щёки у Валерки зарделись, у меня спёрло дыхание. Пацаны восторженно заулюлюкали, заподпрыгивали, возбуждённо захлопали в ладоши... Все обитатели кубрика высунулись в окно, ослабились... Только Алик Нурмухамедов, покраснев, отпрянул.

– Во, шалавы, дают... – млея, пробормотал Ветровский. – Лезьте к нам!

– Как? – с готовностью поинтересовалась рыжая.

– Сейчас устроим.

Ветровский по-военному чётко скомандовал:

– Канат нужен.

Мы стали связывать в единый жгут матросские ремни с бляхами, туго скрученные простыни и пододеяльники. На одном конце сделали петлю, за другой крепко уцепились я, Валерка, Сайгак и ещё кто-то из наших, Вован, кажется. Конец не достал до земли полметра. Самый раз! Ветровский сдавленным голосом шикнул девкам:

– Давай по одной: ноги – в петлю, садитесь, руками держаться...

Рыжая шагнула первой, усаживаясь, повилыла задницей в расчёте на зрителей, дёрнула канат:

– Поехали!

Вчетвером, выбирая самодельный жгут, упираясь и кряхтя, мы втащили девчонку на третий этаж, перелезали через подоконник.

– Здравьте! – бойко выпалила она.

– Здорово! Привет!

– Теперь Аньку.

Толстушка забиралась в петлю кряхтя, вся раскраснелась, испуганно ойкнула, когда потащили наверх, но всё обошлось...

– По рваному с каждого! – огласила ценник рыжая и дежурно развалилась на нижней шконке.

– Вот сикуха! – восторженно лепетал Сайгак, растёгивая ремень. – Товсь! Торпедные ап-ппараты... к бою...

Последующие события, словно в сладком бреду: школьницы лежали на ворсистых одеялах не раздеваясь, не разуваясь – прямо в кедах, под сальные шуточки пацаны по очереди подходили к одной и другой, лишаясь своей непорочности. Мне досталась толстушка. Помню острую боль порванной уздечки, помню, как больно уколос палец её пионерским значком... Яркую белую вспышку в глазах! Лишь Алик не получил боевого крещения: отсиживался у соседней. Девиц после недолгих прощаний мы выставили за дверь. Проходя мимо бюста Ленина, они перешли на чеканный шаг и по-солдатски приложили ладонь к виску, очевидно докладывая вождю, мол, все заветы блюдут, учатся. И Владимир Ильич смотрел на них одобрительно, мол, «верной

дорогой идёте...». Как школьницы просачивались через пост дневального, нам было неинтересно.

А спустя десять дней даже Вован – самый тупой из нас – мог разгадать загадку: «У какого молодца бойко капает с конца?» Сайгак задумчиво взял гитару и срывающимся фальцетом затянул песнь:

*Что же это за болезнь такая,
Из-за каких таких причин
Она у женщин возникает,
Она бывает у мужчин?
А суть в единственной причине:
С рожденья, испокон веков,
Тянуло женщину к мужчине,
Тянуло к бабам мужиков.*

Вован, зажмурившись в экстазе, складно отбивал на табуретке ритм.

*Болеет тот, который грешен,
А потому – увы и ах!
Болеют полные невежды,
Болеют умники в очках.
Болеют чукчи с папуасом,
Солдат пехотного полка,
И ученик седьмого класса,
И левый крайний «Спартака».
Болеет критик и крестьянин,
Пенсионеры, малышня,
И атеист, и христианин,
И адвентист седьмого дня.
Заболевают где попало,
Везде встречаются с бедой:
На сеновале, и в подвале,
И на воде, и под водой.*

Мы нестройно подпевали...
А потом так же хором лечились.

В романе моего любимого Даниеля Дефо прямых указаний на то, как поступать с барышнями, нет. Сообщалось только, что Робинзон всячески старался установить дружеские отношения с туземцами, знаками и возгласами объясняясь с ними, после чего появились две женщины. «Они были абсолютно голые», – искренне, без обиняков сообщает автор, не развивая мысль... По его примеру все дальнейшие эпизоды я тоже опускаю. К тому же контакт с двумя пионерками (пионерка – всем ребятам примерка!) был самым целомудренным эпизодом за все годы моей учёбы в ПМУ. Последующие randevу по сию пору вызывают у меня... смущение.

* * *

Наши развлечения не отличались высокой духовностью.

Как и сама жизнь... дикая, животная.

Нас гнобили, унижали садисты и маньяки... Садисты и маньяки в прямом смысле слова. Злоба накапливалась, пружина ненависти к старшим товарищам сжималась. Жили одной надеждой: свести счёты с выродками, с теми, кто особо зверствовал, лютовал, измывался... И час возмездия настал: теоретическое обучение третьего курса (последнего, старшего над нами) закончилось, каждого дедка приписали к своему теплоходу и направили для прохождения практики на одиннадцать месяцев. Страшная монолитом, непобедимая масса, которую они до этого представляли, – рассыпалась... Поодиночке старики были нам не страшны.

Второй курс. Весна. Одуванчики расцветают. Мы гуляем, радуемся жизни. И ещё сладостно от того, что удалось наказать главного обидчика, одного из самых злостных.

Керя

Мы его выловили, избили... Точнее, отпи...дили по полной!

Сперва-то заметил нас, как рванёт!..

Куда тут убежишь? Я на стометровке первый.

– Ке-ееря! Па-ааастой!

На бегу подхватываю с земли булыжник – увесистый такой, аккурат в ладонь, и ему – вдогонку. Есть! Сука... Он, как карта глубин, манерно сложился пополам. Подбежали, стали пинать... Душеньку отвели. А Керя отлежался и нажаловался своим, собрал их по теплоходам, по сусекам, вернул назад. Оказывается, старики не успели толком разъехаться. Вроде бы из общаги выселились, в роте не видно, и тут собралась такая тол-паааа! Пришли, я сладко спал («сидел на спине», как говорили у нас). Просыпаюсь от того, что кто-то пинает кровать. Глаза продираю: сидят по шконкам. В кубрике аж черно от чёрной формы.

Вазген за парламента:ра:

– Ваши дёрнулись на наших. Будем драться рота на роту. Приходим к семи.

– Ребята, не слышал ничего...

Мрачно уходят.

Всё... будет заруба. Жаловаться, просить пощады бессмысленно.

Я понятия не имел, сколько пацанов у нас, сколько с их стороны. Стали кучковаться. Кто был – собрались, набились к нам в кубрик, примолкли, пригорюнились... Смотрю: самых сильных

бойцов-волноломов нет. Расслабились, ушли в самоволку. А у дедов такие бычары...

Сайгак, желая поднять боевой дух, взял гитару и ударил по струнам:

*Сегодня самый лучший день,
Пусть реют флаги над полками,
Сегодня самый лучший день –
Сегодня битва с дураками.*

Все подхватили.

Кто умел петь и кто совсем не умел...

Ко второй половине дня, ближе к вечеру, дедков собралась такая толпа, такая шо-ообла! Мало того, что они на целый год старше нас, так ещё психологически на две головы выше: училище, считай, закончили, своё вынесли, выдюжили, они – спаянная боевая команда.

Переярки!

А мы пока волчата прибылые, только через год станем как они...

Выстроились в узком коридоре. Друг напротив друга. Стенка – на стенку. Задние ряды упирались в штукатурку – отступить некуда. Сонников – справа от меня, дальше Сайгак, Ветровский. Слева – Вован, Бобёр, Алик Нурмухамедов (тихоня тихоней, а твёрдо знает, если команда «Аварал!», то важен каждый матрос). Напротив Бутик, Москва, Керя с разбитой рожей...

Вазген надрывно крикнул:

– Давай!

И махаловка началась...

Бились люто. Первые эшелоны полегли сразу, задние, свежие напирали.

...У-уа! На... на! Поплыл... Н-на! В «склянки»! В уху справа!.. Брык! Второй готов. Я отмахивался от битух, сам крушил «надстройки», а слева, справа падали наши пацаны, и по ним шли. Пёрл-Харбор! Деды напирали... Те, кто дрался, давно стояли не на твёрдом цементном полу – на живой податливой массе. Я чувствую, под ногой шевелится лицо... На какой-то миг ослабляю внимание и пропускаю удар!.. Ногой – в душу. Бам!.. Я оступился, упал... (а вот это зря!). Меня стали пинать... дубасить по голове. Особо зверствовал Керя...

Керя-сука! Слы-ышшишь ме-ня-яааа?!

Пом-ни-ишишь?

Знаю, пададь, пом-ни-ишишь... и слы-ши-ишишь...

Хоть и покойничек.

Подонок, живодёр конченный.

Упокой, Господи, его душу.

Удары я отбивать не мог, старался прикрыть

лицо. Извивался, корчился и чувствовал: теряю сознание. Меня, почти безжизненного, подняли под руки, чтоб бить сподручней, и удары посыпались со всех сторон. Я понимал – «убивают», но ничего поделать не мог... Спас Славка Гудко – третьекурсник, земля из Старого Оскола. Волоком, за ноги вытащил меня из хрипящей своры. Рассказывал потом:

– Смотрю, тебя двое держат, Керя целенаправленно бьёт в висок, раз за разом, будто заведённый, а ты уж не дышишь, уходишь...

Мы надолго легли в дрейф после той драки. Подводили баланс флота...

Я месяц пугал прохожих синяками на висках, звуком рынды отдавался в голове каждый шаг. Уши у меня были как у Алика, когда тот в январе восьмидесяти первого их отморозил. Поскуливая, мы зализывали раны и утешали себя: шторм выдержан!

Теперь в училище старшие Мы! (Морской ценз [7] соизволял.)

Уж будьте так любезны, уважьте стариков. По полной!

В масле кататься – наше время...

Постепенно и казарма для меня перестала быть серой, неудобной.

Отпала нужда по-щеньячи втягивать голову в охидании оплеухи. Я вышагивал по коридорам без оглядки, вразвалочку, заходил в любой кубрик, широко расправив плечи, и оттого сами помещения эти сделались меньше, ближе, родней.

В посёлок отныне без особой нужды не выбирался (было кого, помоложе! послать, ежели что). Один, правда, случай особый. Алик Нурмухамедов – наш ягнёнок, самое безобидное существо на земле. Божий одуванчик! Человек блаженный. Всё училище поднялось, когда в Пиндушах избил его... Если бы досталось мне, Сайгаку или Ветровскому, посчитали, мол, «довыё...», в том смысле, что угол падения равен углу отражения. А когда Алика нашли под утро в бурьяне, рядом с казармой... еле живого, сказать было нечего. Курсанты отложили все дела и чёрной армадой высыпали на плац. «Все вдруг!» [8] Единственный случай, когда никто никого не агитировал. Зарвавшийся посёлок надо было «привести в меридиан». Поротно определили направления, назначили старших и строим... с колами, латунными бляхами на ремнях... Отправились, словно на работу. Смерчем, ураганом прошли по улицам, каждому встречному-поперечному засвечивая фонарь.

Славная была охота...

* * *

Выжимая педаль газа, я мчался на встречу с выпускниками.

Из ста сорока шести курсантов нашей роты диплом получили тридцать семь. Лишь тридцать семь заслужили право сменить «яйцо» на вожденного «краба» – кокарду с якорем, звездой и глобусом «в капусте».

Гардемарины!!! Прошедшие ад!..

Каждый год третьего июня мы собираемся в Пиндушах на плацу, и всю белую ночь напролёт гуляет по кругу ендова [9]. Как всё пройдёт на этот раз? Ума не приложу... Встречу нам омрачили за годя. Дело в том, что весной «академию Подгайского», наше легендарное училище строгого режима, ликвидировали. (Поматросили и бросили.) ЦК ВЛКСМ по ГПТУ №13 принял аж специальное постановление (редкая честь!). В газетах писали, якобы довели до суицида «карася» – мальчишка выпрыгнул с пятого этажа, – потом обнаружили двух курсантов, повешенных в одной петле...

Закреть такую кузницу кадров!..

Нет слов, по-человечески жаль погибших пацанов... Но дальше-то как?

Шёл девяносто второй год. За настоящее страны я спокоен: его обеспечим Мы. А вот что станет с нашим будущим, абсолютно не понятно.

P.S.

Они встретились, как и всегда, на плацу. На плацу не существующего уже мореходного училища. Все тридцать семь, как один.

**Записано со слов воспитанника ПМУ
3 июня 1992 года
в посёлке городского типа Пиндуши.**

□

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист. Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

Примечания

[1] Переярок – название молодого перегодовалого волка; волк моложе одного года называется прибылым; волк старше двух лет – матёрый.

[2] Галс – снасть или тали, удерживающие на должном месте нижний наветренный угол паруса (галсовый угол). Все косые паруса имеют Г., а из прямых его не имеют только те, у которых нижние углы растягиваются по рею. В зависимости от того, к какому парусу Г. прикреплен, он получает дополнительное название: например, бом-кливер-галс.

[3] Бом-брамсель – прямой парус, ставящийся на бом-брам-рее над брамселем.

[4] Румб – 1,32 окружности.

[5] Мица – фуражка.

[6] Судовой журнал – один из основных судовых документов. В судовом журнале фиксируются: список команды, дата прибытия в порт и отплытия из порта, глубина воды в порту и при выходе в море, скорость, курс, сила ветра во время рейса.

[7] Морской ценз – морской ценз предусматривал продвижение офицеров по службе только при условии подтверждения срока плавания на кораблях в установленных должностях и в определённых районах.

[8] «Все вдруг» – дополнение к команде, требующее одновременного выполнения данного действия всеми кораблями.

[9] Ендова – медная лужёная посуда с носиком для разлива вина матросам в русском флоте.

